

Если смотреть исключительно на саму тему, писать по ней было не так уж трудно. Школа Мо-цзы проповедовала всеобщую любовь и отказ от нападений, призывая жертвовать собой ради спасения людей и блага всего мира. Учение Ян Чжу основывалось на эгоизме: не заботиться ни о других, ни о Поднебесной, не вредить никому, но действовать лишь к собственной выгоде. Тан Шэнь сразу набросал два варианта раскрытия темы. Например, можно было зайти со стороны пользы для себя и окружающих и на примере учений моистов и Ян Чжу превознести конфуцианскую идею гармонии личных и общественных интересов.

Однако все это строилось на обязательном условии: критиковать моистов и Ян Чжу, превознося конфуцианство.

Тан Шэнь посмотрел на тему, выведенную на бумаге, затем поднял взгляд на видневшуюся вдали башню Минъюань и тяжело вздохнул.

Ведь кому в Поднебесной не было известно, что нынешний император Чжао Фу жаждет обрести бессмертие, выплавляет чудодейственные пилюли и уже давно приобщился к даосизму!

А учение Ян Чжу как раз относилось к трем классическим канонам даосизма.

Чжао Фу никогда не заявлял открыто о приверженности даосизму. Напротив, он всячески выказывал уважение конфуцианству и каждый год в день кончины Святого Конфуция лично писал поминальные оды. Но одержимость государя даосскими практиками была очевидна каждому придворному. В том, что Ученый Ли предложил такую тему, не крылось никакой ошибки, однако если экзаменующийся решится полностью разгромить учение Ян Чжу, в будущем, когда он добьется успеха, впишет свое имя в золотой список и дослужится до высоких чинов, политические соперники при первом же случае донесут об этом Чжао Фу.

Помыслы государя неисповедимы, а служба при дворе — точно жизнь бок о бок с тигром. Кто знает, как к этому отнесется Чжао Фу!

Тан Шэнь рассудил, что возможных исходов всего два. Либо Чжао Фу не станет уподобляться глупому тирану, карающему за слова, и просто пропустит это мимо ушей; либо же его заденет критика чиновников в адрес его стремления к бессмертию. Но как бы там ни было, если в один прекрасный день государь решит избавиться от кого-то из подданных, это сочинение с нападка на даосизм станет удобным поводом для расправы.

Другие кандидаты, возможно, и не стали бы так глубоко задумываться, но Тан Шэнь обязан был все взвесить. Он просто не мог себе позволить беспечности.

Он смотрел не только на этот столичный экзамен — его взгляд устремлялся далеко в будущее!

Закрыв глаза, Тан Шэнь отбросил все идеи, что крутились у него в голове. Он выбрал самый простой, безопасный, пусть и совершенно не выдающийся путь. Обмакнув кисть в тушь, он вывел: «Наблюдая за приверженцами иных учений, видишь лишь их ярость и трепет. Отказываясь от одного, они ищут другое в погоне за душевным покоем. Бежав от пороков моистов, они обращаются к Ян Чжу. Но почему же так происходит?..»

«Я замечаю, что сторонники учений, отличных от конфуцианства, поддавшись пагубному влиянию ложных идей, часто становятся вспыльчивыми и боязливыми. Потому они покидают моистов и примыкают к Ян Чжу, стремясь обрести душевную свободу и покой. Но ради чего совершается этот переход?»

Тан Шэнь действительно отказался от любых попыток расширить тему или дать волю воображению. Он зацепился прямо за формулировку вопроса и написал восьмичленное сочинение, доказывающее, почему последователи моистов после ухода из своей школы выбирали именно учение Ян Чжу. Текст получился на редкость обтекаемым. Тан Шэнь не утверждал, что учение Ян Чжу истинно, и даже назвал его заблуждением, однако воздержался от яростных нападок в его адрес.

Ему еще никогда не приходилось писать с таким трудом. Понимая, что вступление вышло довольно блеклым, Тан Шэнь сосредоточился на строгости логики и убедительности аргументов. Он потратил целых шесть часов, тщательно выверяя каждое слово, и наконец закончил второе сочинение. И лишь поставив последнюю точку, обнаружил, что его спина взмокла от пота!

Посреди морозного второго месяца он умудрился весь взмокнуть!

Закончив черновик, Тан Шэнь растерянно смотрел на исписанные листы, вдруг засомневавшись, правильно ли он поступил.

Не слишком ли он перестраховался? Ведь это всего лишь одно из сочинений на столичном экзамене, к чему такие тревоги?

Но следом ему пришла мысль: «Будь на моем месте Ван Цзыфэн, он наверняка поступил бы точно так же».

Впрочем, дело было сделано. Тан Шэнь понимал: пусть его работа и не блещет оригинальностью, она определенно окажется среди лучших. Он аккуратно переписал сочинение на чистовик и, ваясь с ног от усталости, крепко уснул. Когда он снова открыл глаза, шел уже третий день с тех пор, как они вошли в экзаменационные корпуса.

Перед сном Тан Шэнь успел взглянуть на третью тему. На этот раз она гласила: «Трижды в день я проверяю себя».

Философ Цзэн говорил: «Трижды в день я проверяю себя: искренен ли я, служа другим? Честен ли в общении с друзьями? Повторяю ли преподанное мне?»

Это изречение было взято из книги «Лунь юй» и даже в будущих поколениях оставалось общеизвестной классикой. Тан Шэнь, все еще пребывавший в легком унынии после написания второго сочинения, мгновенно прибодрился. Он едва сдерживал смех прямо в своей келье.

По правилам, три сочинения первого тура столичного экзамена распределялись так: два по книгам «Лунь юй» и «Мэн-цзы», а одно — по «Дасюэ» или «Чжун юн». Но Ученый Ли явно не любил следовать правилам! Первая тема оказалась невероятно каверзной, вторая таила в себе угрозу навлечь гнев государя, а в третьей он вдруг снова обратился к «Лунь юй»!

В прошлой жизни Тан Шэнь был чистым технарем и читал немного, но не знать фразу «Трижды в день я проверяю себя» он просто не мог. Более того, ему было отлично известно и другое выражение.

«Если есть ошибки — исправь, если нет — старайся еще больше!»

Это были пояснения, которыми Чжу Си снабдил свой комментарий к фразе «Трижды в день я проверяю себя».

В такой момент Тан Шэнь не стал скромничать. Он взял за основу толкование Чжу Си и, следуя его мысли, на одном дыхании набросал текст: «Почтенный мудрец трижды в день проверял себя, дабы познать человеколюбие, верность и преданность учению. Раз даже мудрецы поступали так, я скажу: коли есть ошибки — исправь, коли нет — старайся еще больше!»

Третье сочинение лилось само собой. Перечитывая его, Тан Шэнь ощущал душевный подъем. С одной лишь фразой «Если есть ошибки — исправь, если нет — старайся еще больше» он гарантированно получал высокий балл, даже если бы все остальное написал из рук вон плохо.

Закончив переписывать последнее восьмичленное сочинение, Тан Шэнь перешел к завершающему заданию — экзаменационному стихотворению из пятисловных строк и восьми рифм.

Тема гласила: «Ветер и дождь тоскливы».

«Ветер и дождь тоскливы, петухи поют звонко. Вновь увижу благородного мужа — разве на душе не станет спокойнее?»

Эти строки были взяты из раздела «Песни царства Чжэн» («Чжэн юй») сборника «Ши цзин».

Это стихотворение рисовало унылую картину ненастья и передавало тоску девушки по возлюбленному. Немного подумав, Тан Шэнь набросал экзаменационное стихотворение:

Слышал я, как облака уходят вдаль,

В шуме ветра испуганно цикада кричит.

Дождь хлещет по листьям банана зеленым,

Гром гремит над бескрайней землей.

...

На закате дней путь назад завершен,

О тоске безответной кукушка кричит.

На столичных экзаменах каллиграфия кандидатов не играла решающей роли, ведь экзаменаторы в итоге читали не оригиналы, а копии, сделанные переписчиками. Тем не менее Тан Шэнь аккуратно переписал стихотворение и, проверив все еще раз, встал, чтобы сдать свиток.

Выйдя из кельи в проход, он совершенно случайно столкнулся с Мэй Шэнцзэ.

Мэй Шэнцзэ тоже обрадовался встрече и спросил:

— Цзинцзэ, ну как ощущения?

Тан Шэнь честно ответил:

— Какое бесстыдство!

Радость от встречи с другом у Мэй Шэнцзэ тут же испарилась, и он мрачно добавил:

— Предел наглости!

Оба дружно рассмеялись и, негромко переговариваясь, направились к выходу.

Мэй Шэнцзэ жаловался:

— Над первой темой я размышлял целых четыре часа, прежде чем решился, как ее раскрыть. Я и так не силен в написании восьмичленных сочинений, ты и брат Лю Фан в этом куда искуснее меня. И надо же — тема для стиха «Ветер и дождь тоскливы» оказалась проще некуда, зато первая тема сочинения — сущий кошмар! Благо хоть две другие темы Ученого Ли оказались полегче, иначе я бы сегодня точно расшиб себе лоб о колонну башни Минъюань!

Тан Шэнь сразу понял: работая над вторым сочинением, Мэй Шэнцзэ и близко не терзался теми сомнениями, что мучили его самого.

Покинув ворота Академии экзаменов, они попрощались.

Яо Сань уже давно ждал Тан Шэня снаружи вместе с лекарем. Тан Шэнь сказал:

— Давайте сначала вернемся домой. В этот раз я чувствую себя сносно. Сказался опыт провинциального экзамена, так что обошлось без последствий. Вернусь, вымоюсь, отосплюсь, а завтра снова на экзамен.

Яо Сань и счетовод Линь облегченно вздохнули.

Вечером Тан Шэнь принял горячую ванну, всласть выспался и на следующий день, еще до рассвета, снова стоял у ворот Академии экзаменов Шэнцзина.

Ван Чжэнь как-то рассказывал Тан Шэню, что из четырех великих ученых Академии Ханьлинь Ученый Ян и Ученый Пань отдают предпочтение «Чжоу и», а Ученый Чжоу предпочитает «Чуньцю». И только о предпочтениях Ученого Ли он не обмолвился ни словом. Тан Шэнь тогда расспрашивать не стал, понимая: раз Ван Чжэнь промолчал, значит, Ученый Ли, скорее всего, не питает особого пристрастия к Пятикнижию. Возможно, ему ближе «Лунь юй» из Четверокнижия — именно поэтому в первом туре столичного экзамена оказались сразу две темы по этому трактату.

Раз уж Ученый Ли был равнодушен к Пятикнижию, Тан Шэнь просто выбрал самую простую тему и принялся писать.

Три дня спустя Тан Шэнь, заметно побледневший, вышел из экзаменационных ворот.

Яо Сань тут же поспешил к нему.

Тан Шэнь сказал:

— Ничего страшного, просто вымотался.

Отоспавшись и восстановив силы, Тан Шэнь снова заперся на трое суток в похожей на тюремную камеру экзаменационной келье, чтобы исписать листы ответами на вопросы по государственному управлению в третьем туре столичного экзамена.